

A detailed illustration of a person with long brown hair, wearing a red shirt and a dark backpack, sitting at a desk in a room. The person is looking at a computer monitor displaying a cityscape. On the desk, there is a large round clock, a small electronic device, and some papers. The room has bookshelves filled with books on the right. A large, bright, yellow sun or moon is visible through the window, casting a warm glow over the cityscape outside. The sky is filled with dark, swirling clouds and some birds flying. The overall style is a mix of comic book art and digital painting.

Сергей Петрушев

Апокалипсис. Записки выжившего

Сергей Патрушев

Апокалипсис. Записки выжившего

«Автор»

2026

Патрушев С.

Апокалипсис. Записки выжившего / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир рухнул не в одночасье. Сначала перестали работать новостные сайты, потом замолчало радио, а следом отключили электричество. Тридцатипятилетний системный администратор Дима Крапивин встретил конец света не героем — он встретил его испуганным человеком с монтировкой в руках и пачкой гречки в рюкзаке. Забаррикадовавшись в пустой квартире панельного дома, он начинает вести дневник — единственный способ не сойти с ума в мире, где тишина страшнее крика, а мертвецы не просто бродят по улицам, но, кажется, начинают учиться. Когда запасы воды подходят к концу, Дима решается на вылазку, изменившую всё. В запертой кладовке разгромленной квартиры он находит не консервы и не патроны — он находит десятилетнюю Аню, девочку, которая пережила кошмар, рядом с которым его собственные страхи кажутся ничтожными. Этот ребенок, вооруженный кухонным ножом и стальной волей, становится для Димы не обузой, а единственной причиной жить дальше.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Апокалипсис. Записки выжившего

Глава первая: Тишина после крика

Я никогда не думал, что тишина может быть такой оглушительной. Раньше я мечтал о тишине. Мечтал, чтобы сосед за стеной перестал сверлить в воскресное утро, чтобы сигнализации машин за окном замолчали, чтобы телефон перестал разрываться от рабочих уведомлений. Тишина казалась мне благословением, какой-то несбыточной утопией среди бетонных коробок спального района. Теперь у меня ее в избытке. Теперь тишина проникает в уши, как вата, смоченная свинцом, и давит на барабанные перепонки до головной боли. Я, Дмитрий Сергеевич Крапивин, тридцати пяти лет от роду, бывший системный администратор, а ныне непонятно кто, сижу в полуразрушенной квартире на пятом этаже и слушаю мир, которого больше нет. Вроде бы нужно радоваться, что нет криков, нет воя сирен, нет того животного, надсадного рычания, которое последние несколько недель стало саундтреком нашей погибающей цивилизации. Но от этой тишины мне хочется быть самому.

Я нашел эту тетрадь в разгромленном канцелярском магазине на углу Ленина и Мира. Странно, да? Ленина и Мира. Улицы, названные в честь вождя и абстрактного понятия, которое мы так бездарно просрали. Магазин был разнесен под ноль, но среди рассыпанных ручек и выпотрошенных папок я увидел ее. Толстая, девяносто шесть листов, в клеточку, с твердой обложкой грязно-зеленого цвета. Как будто ждала меня. Я взял несколько ручек, проверил, какие пишут, и сунул в рюкзак. Возвращаться в тишину пустой квартиры без возможности выговориться было невыносимо. Говорить с самим собой вслух — это, говорят, первый шаг к безумию. А писать — это вроде как коммуникация. Пусть и с самим собой из прошлого, который будет перечитывать эти строки через неделю или месяц, если доживет.

Сегодня двадцать шестой день с того момента, как все полетело в тартарары. Я веду отсчет от первого укуса, который увидел своими глазами. Не по телевизору, когда еще показывали новости, а вживую. Прямо под моим балконом. Баба Зина из второго подъезда, которая вечно кормила голубей, вцепилась в лицо участковому Паше. Просто подошла и, не говоря ни слова, вгрызлась ему в щеку. Ее пальцы, скрюченные артритом, вдруг обрели стальную хватку. Паша орал, а она рвала его лицо, и я видел, как кровь хлещет на ее бежевый плащ. Тогда я еще не знал, что они мертвы. Я думал, это какой-то бешеный психоз. Наркотики в партии круп. Террористическая атака. Я, как дурак, схватил скалку и побежал вниз, чтобы помочь. Сейчас я понимаю, что это была глупость несусветная. Если бы я тогда выбежал из подъезда, меня бы сожрали через две минуты. Но дверь в тамбур заклинило, пока я с ней возился, Паша уже перестал кричать, а баба Зина, шатаясь, побрела прочь, оставляя за собой бурый след. У нее в волосах запутался голубиный пух, я запомнил это очень четко. Пух и кровь. Сочетание нелепое и жуткое.

Мир вымер не за один день. Первую неделю я сидел на работе. Мы, сисадмины, народ такой: если сервер пиликает, значит, жизнь продолжается. Мы с Серегой и Антохой сидели в серверной, пили растворимый кофе и смотрели, как падает сеть. Сначала отвалился сегмент с внешним миром. Новостные сайты еще грузились, но с чудовищным скрипом. Потом перестали отвечать корпоративные серверы в других городах. Мы все перезагружали, матерились на провайдера, звонили начальству, но начальство не брало трубки. В офис никто не пришел. Мы остались втроем в огромном здании бизнес-центра, вооруженные клавиатурами и круж-

ками с надписью "Не трогай, убьет". Антоха ушел первым. Сказал, что у него жена на восьмом месяце и он должен ее забрать из их квартиры в Чертаново. Серега пытался его отговорить, кричал, что там ад, что по радио передают про тотальную эвакуацию, но только в восточные районы за реку. Антоха не послушал. Я видел, как он выбежал на парковку, сел в свою старую "Киа" и уехал. Больше я его не видел. Надеюсь, он успел к жене. Надеюсь, они не мучились. Серега пропал через два дня после того, как мы вышли из офиса за припасами. Мы разделились в супермаркете. Я пошел за консервами, он за медикаментами. Я ждал его у касс два часа, пока в торговом зале не начали гаснуть лампы одна за другой, и в этом жутком полумраке я слышал шаги. Шаркающие, множественные, нечеловеческие. Я струсил и убежал. Бросил его. Просто взял свою коробку с тушенкой и побежал, не оглядываясь. Если Серега жив, и он читает это, — прости меня, друг. Я тварь дрожащая, а не герой.

Сейчас мое убежище — это двушка в старом панельном доме. Квартира номер сорок три. Я не знаю, кто здесь жил раньше. Какие-то люди, которые успели уехать или не успели стать этими тварями. Внутри все перевернуто, но это дело рук мародеров, а не мертвецов. Кровь на кухне старая, коричневая, уже не пахнет. Я забаррикадировал входную дверь тяжелым комодом и холодильником. Это надежнее, чем замок. Главное окно выходит во двор-колодец, и это спасение, потому что с улицы не видно, что внутри кто-то живет, а звуки в колодце гаснут, не вылетая наружу. Я завесил окно тремя слоями плотных штор, которые нашел в шкафу. Свет зажигаю только ночью, и то использую маленький налобный фонарик с красным фильтром. Он почти не заметен. Днем я сижу в полумраке и слушаю. Это мое главное занятие теперь — слушание.

Самое страшное, что я понял за эти дни, — я совершенно не готов к такой жизни. Мне тридцать пять, у меня небольшая лысина, которую я маскировал, отрачивая пряди на затылке, небольшой живот от сидячей работы и полное отсутствие навыков выживания. Я не умею охотиться, не умею ориентироваться по звездам, не умею вскрывать машины без ключа. Я даже костер с первой спички развести не могу. Я продукт цивилизации, приспособленный для жизни в террариуме с климат-контролем и доставкой пиццы. Единственное, что я умею, — это настраивать роутеры и поднимать виртуальные машины. Сейчас это бесполезное знание, как мертвый язык. Если бы мне год назад кто-то сказал, что я буду мечтать о работающем лифте больше, чем о новом процессоре "Интел", я бы рассмеялся ему в лицо. А сейчас я понимаю, что лифт — это вершина эволюции. Это безопасное перемещение в вертикальной плоскости. Я хожу по подъездам и проверяю, нет ли засады, на каждый шорох дергаюсь так, что зубы стучат. Я стал похож на затравленного зверька, и мне это ненавистно.

Сегодня утром я спускался на третий этаж. У меня есть план проверить все квартиры в моем подъезде, потому что запасы воды начинают подходить к концу. Гречка и тушенка у меня еще есть, но питьевая вода — это проклятие. Водопровод встал еще на прошлой неделе, из кранов сначала пошла рыжая слизь, потом просто загудело и стихло. Я набирал воду в ванну, пока она шла, но много не унесешь и неохранишь в открытой емкости. Вода зацвела, даже несмотря на то, что я сыпал туда таблетки хлорки. Теперь у меня осталось шесть полуторалитровых бутылок из запасов тех бедолаг, что жили здесь до меня. Этого мало. Очень мало. Выходить на улицу среди бела дня — самоубийство. Они, конечно, не такие быстрые, как в кино, они не бегают, но их много. И они тупые, но настойчивые. Как заевшая пластинка. Увидят — пойдут. Шарк, шарк, шарк. Этот звук теперь преследует меня даже во сне.

Сон. Я почти перестал спать нормально. Я забыл, что такое проспать больше трех часов подряд. Стоит закрыть глаза, как перед внутренним взором встает лицо Сереги. Я придумываю

диалоги, в которых я возвращаюсь за ним, в которых мы вместе отбиваемся от толпы и уходим в закат, как герои боевика. Но на самом деле я просто убежал, толкая тележку с гречкой. Я бросил его в том супермаркете "Пятерочка", между стеллажом с чипсами и витриной с охлажденной рыбой, откуда уже несло тухлятиной. Каждую ночь я просыпаюсь в холодном поту, и мне кажется, что я слышу его голос снизу: "Дима, ты где?". Но это не он. Это ветер, это сквозняк в вентиляционной шахте, это крысы, которые расплодились в невероятных количествах, почуяв свободу и горы мертвечины.

Кстати о мертвых. Я заметил удивительную вещь. Они разлагаются, но не так, как обычные трупы. Процесс гниения замедлен. Не знаю, вирус это делает или что-то еще, но та же баба Зина, которую я видел из окна на прошлой неделе, выглядела так, будто умерла дня три назад, хотя прошло уже три недели. Кожа стала серой и плотной, похожей на мокрый пергамент, но она не оплыла, не вздулась так, как это показывают в кино. Она просто медленно высыхала на ходу. Это значит, что они могут функционировать долго, очень долго. Это плохая новость для меня. Я рассчитывал на русскую зиму, на морозы. Если бы они перемерзли и перестали шевелиться, я бы мог спокойно передвигаться. Но пока на улице только слякоть и промозглый ветер. Нужно ждать настоящих холодов. Но доживу ли я до них в этих четырех стенах?

Я веду этот дневник, потому что мне нужно зафиксировать реальность. Иначе мне кажется, что я схожу с ума. Время перестало быть прямой линией, оно свернулось в клубок. Я могу сидеть и смотреть в одну точку на обоях часами, а кажется, что прошло пять минут. Или наоборот, выгляну в окно на секунду, а за окном уже ночь. Я перестал различать дни недели. Вчера я долго пытался вспомнить, какой сегодня день, и понял, что это абсолютно не имеет значения. Вторник или суббота — какая разница, если никто никуда не спешит, если нет работы, нет выходных, а есть только цикл "опасно-безопасно", "светло-темно". Я решил вести этот дневник, чтобы сохранить себя как личность. Чтобы не превратиться в животное, которое только прячется и жрет. Письмо упорядочивает мысли. Когда я вывожу буквы на бумаге, я все еще человек. Я все еще Дима Крапивин. Помню, как в школе нас заставляли вести читательские дневники. Как же я ненавидел это занятие. Писал краткое содержание "Войны и мира" на коленке, сокращая до абсурда. А сейчас я бы многое отдал, чтобы просто сесть в кресло и прочитать обычную книгу, а не эту кровавую хронику вокруг меня. Но книги остались в разбомбленных библиотеках и залитых водой квартирах. Теперь моя жизнь — это единственная книга, и я обязан ее записать, даже если ее никто никогда не прочтет. Особенно, если никто никогда не прочтет.

Я пытаюсь вспомнить, с чего все началось. В новостях говорили о вспышке агрессивного гриппа в Китае. Потом в Европе. Потом ввели ограничения на полеты. Мы в серверной шутили, что теперь-то у нас точно вырастет популярность удаленной работы. Мы были такими наивными. Потом пришли новости из Шереметьево. Там военные оцепили терминал, внутрь не пускали, наружу не выпускали. В сеть слили видео с дрожащей камерой, где люди в военной форме стреляли в толпу гражданских. Мы думали — теракт. Потом интернет стал падать. Сначала пропал "Ютуб", потом новостные ленты, потом просто все. Электричество продержалось дольше. Его отключили только через две недели после того, как пропала вода. Помню, как я сидел в полной тишине и вдруг услышал, как отключился холодильник. Просто перестал гудеть. Наступила та самая, первобытная тишина. Я сидел и слушал, как капает конденсат с морозилки. Это был звук конца света. Не взрыв, не крик, а просто капли воды, падающие на пластик.

Мне страшно. Я могу это признать здесь, на страницах дневника. В реальности я не позволяю себе этой роскоши. Когда я выхожу в подъезд с монтировкой в руке, я надеваю на лицо маску спокойствия, хотя внутри все дрожит. Потому что страх имеет запах. Мне так кажется. Они чувствуют страх. Или просто реагируют на резкие движения, на учащенное дыхание. Я не знаю их физиологии, я не биолог, чтобы разбираться в механизмах работы мертвого мозга. Но я знаю точно: когда я спокоен, когда я двигаюсь плавно и бесшумно, они проходят мимо. Сегодня я выглянул в глазок и увидел, как по лестничной клетке поднимается мужчина в рваной рубашке. Его шея была вывернута под неестественным углом, а глаз не было. Просто черные провалы. Он шаркал мимо моей двери, и я замер, даже дышать перестал. Он провел рукой по дерматину двери, заскрипел ногтями, и пошел выше. Я слышал, как он споткнулся о ступеньку, упал, но даже не застонал. Просто встал и пошел дальше, на шестой этаж. Я понял, что они не чувствуют боли. Это роботы, запрограммированные на одну функцию — поиск плоти. Они не злые, они просто машины. От этого еще страшнее, потому что с машиной нельзя договориться, ее нельзя разжалобить или обмануть словами. Ее можно только уничтожить или спрятаться.

У меня есть оружие. Монтировка, большой кухонный нож, и самодельная дубинка с гвоздями на конце. Я сделал ее вчера из ножки от стула. Надеюсь, мне не придется ее применять. В ближнем бою я, скорее всего, проиграю. Я никогда не дрался в жизни серьезно, максимум пару раз в школе на физкультуре. Я боюсь не того, что меня убьют, а того, что я не смогу нанести удар первым. Что я замешкаюсь, как тогда с Серегой. Что мое проклятое человеколюбие сыграет со мной злую шутку, и я попытаюсь заговорить с мертвецом, прежде чем размозжить ему голову. А медлить с ними нельзя. Это азбука, которую я выучил на чужих примерах.

Солнце садится. Я смотрю в щелочку между шторами. Двор-колодец наполняется густыми синими тенями. Где-то далеко, на проспекте, видно зарево. Не знаю, пожар это или закат так отражается. Но огонь там горит уже третий день. Я слышал взрывы прошлой ночью. Возможно, где-то прорвало газовую магистраль. А может, это такие же выжившие, как я, подают сигналы. Но проверять я не пойду. Это слишком далеко и слишком опасно.

Я должен поесть. Банка тушенки и кусок засохшего хлеба. Пир во время чумы. Я наловчился открывать консервы бесшумно, подкладывая тряпку. Исключил из рациона все, что хрустит. Хруст — это приговор в мире, где любое неосторожное движение может привлечь толпу. Я ем холодную еду, потому что запах готовки тоже может распространиться по вентиляции. Холодная гречка с холодной тушенкой. Раньше я воротил нос, если еда из доставки приезжала недостаточно горячей. Боже, каким же я был идиотом. Капризным, изнеженным идиотом, который не ценил главного чуда — безопасности.

Сегодня я нашел на кухне пачку сигарет. Хозяева, видимо, курили. Я не курю, но сейчас я сижу в темноте и просто нюхаю табак. Запах сухого дыма возвращает меня в прошлое. В те времена, когда мы с парнями после работы выходили на крыльцо, и Серега стрелял у меня мелочь на кофе, а сам покупал "Парламент". Мы говорили о новых патчах для сервера, о тупых пользователях, которые не умеют вставлять картриджи в принтер. Это казалось таким важным. Нам казалось, что если сервер ляжет, это конец света. Смешно. Сервер лежит уже три недели, и мир не перезагрузился.

Я назвал эту главу "Тишина после крика", потому что крик кончился. Я больше не слышу людей. Только их и их. Я закрываю глаза и пытаюсь представить, что я последний. Абсолютно последний человек в городе. От этой мысли у меня холодеет в груди, но странное, извращен-

ное чувство освобождения тоже приходит. Мне не перед кем отчитываться. Мне не нужно притворяться смелым. Я могу записывать эти мысли и никому их не показывать. Но я знаю, что я не последний. Таких, как я, прячущихся по щелям, еще десятки, может, сотни. Просто мы не высываемся. Просто мы ждем, пока кто-то другой придет на помощь. Но помощь не придет. Это я тоже понял. Армия пала. Правительство эвакуировалось или погибло. Спасать нас некому. Завтра мне придется выйти за водой. Я пойду в соседний подъезд через чердак, так безопаснее. Я возьму с собой дневник. Если я не вернусь, пусть эти записи останутся здесь. Может быть, через много лет кто-то найдет их, когда все это кончится. И прочитает. И узнает, что жил на свете такой Дима Крапивин, тридцати пяти лет, который очень любил тишину, пока не узнал, какая она страшная на самом деле.

Глава вторая: Неожданная находка

Удивительно, насколько гибким становится человеческое сознание, когда его припирают к стенке. Прошло еще три дня с моей последней записи. Три дня, за которые я, кажется, прожил маленькую жизнь и чуть не умер окончательно. Я сижу сейчас в новом месте, пишу при свете свечи, и руки до сих пор слегка дрожат. Но это приятная дрожь, дрожь от адреналина, который еще не до конца растворился в крови. Я сделал невозможное — я нашел нечто, что в корне изменило мое положение. Или изменит, если мне хватит ума правильно этим воспользоваться. Но обо всем по порядку, потому что иначе я запутаюсь в собственных мыслях, а этот дневник — мой единственный способ не сойти с ума.

На следующий день после того, как я закончил писать предыдущую главу, вода кончилась полностью. Я допил последнюю бутылку, оставив на донышке глоток на крайний случай, и понял, что тянуть больше нельзя. Страх смерти от обезвоживания пересилил страх быть съеденным. Это вообще интересная механика выживания: страхи конкурируют друг с другом, и побеждает тот, который ближе к телу. Жажда — это непосредственная, клеточная угроза. Она жжет изнутри, сушит язык, делает губы похожими на наждачную бумагу. Зомби — это угроза внешняя, вероятностная. Может, встречу, а может, и нет. А без воды я умру гарантированно и довольно быстро. Я выбрал риск.

Выходить через подъезд я не решился. После того случая с одноглазым мертвецом, который скребся в мою дверь, я понял, что лестничная клетка — это смертельная ловушка. Там только один путь отхода, и если тебя зажмут на этаже, деваться некуда. Я решил использовать чердак. В старых панельных домах чердаки часто соединяют подъезды, и если повезет, можно перебраться в соседнюю секцию, не выходя на улицу. Теоретически там тоже могли быть квартиры с нетронутыми запасами. План был прост: подняться наверх, пройти по чердаку, спуститься в соседний подъезд и проверить ближайшие квартиры. Вода, консервы, медикаменты — все, что попадется.

Чердак встретил меня запахом пыли, голубинового помета и еще чем-то сладковато-гнилостным. Я молился, чтобы это было мертвое животное, а не что-то другое. Фонарик с красным фильтром давал очень тусклый свет, и приходилось буквально на ощупь пробираться между балками, трубами и кучами какого-то хлама. Жильцы десятилетиями таскали сюда старую мебель, сломанные лыжи, коробки с никому не нужными книгами. В этом лабиринте из прошлой жизни было что-то трагикомичное. Я наткнулся на пыльный телевизор "Рубин" с выпуклым экраном и чуть не рассмеялся в голос. Вот он, символ эпохи, которая канула в лету. Теперь это просто кусок пластика и стекла, никому не нужный и даже не опасный.

Я продвигался медленно, стараясь не шуметь. Каждый шаг отдавался скрипом половиц, и я замирал на месте, прислушиваясь. Тишина. Только ветер завывал в вентиляционных отверстиях. Я дошел до люка, ведущего в соседний подъезд, но он оказался заперт изнутри. Пришлось повозиться с монтировкой, и этот звук — скрежет металла о металл — казался мне оглушительным, как выстрел из пушки. Наконец замок поддался, и я спустился по ржавой лестнице на площадку верхнего этажа.

Здесь было тихо, как в склепе. Я проверил глазки на дверях — ничего подозрительного. Квартиры на девятом этаже, номера семьдесят вторая и семьдесят третья. Я выбрал ту, что справа, потому что ее дверь была приоткрыта. Это могло означать, что внутри уже побывали мародеры, но могло означать и то, что хозяева убежали в спешке и не успели запереться. В любом случае, проверять стоило. Я вошел внутрь, держа монтировку наготове.

Квартира оказалась трехкомнатной, и судя по обстановке, здесь жила семья с детьми. В коридоре валялись детские ботинки, на стене висели рисунки акварелью, прищипленные скотчем к обоям. Домик, солнышко, человечки с палочками вместо рук. На меня накатила такая волна тоски, что я на мгновение забыл, зачем пришел. Дети. Что стало с этими детьми? Успели ли они убежать? Или их превратили в тех маленьких, шустрых тварей, которых я видел из окна пару раз? От этой мысли меня затошнило, и я приказал себе не думать об этом. Не думать. Только не сейчас. Сейчас я должен найти воду.

Кухня была пуста. Шкафы распахнуты, на полу рассыпана крупа, которую уже начали пожирать насекомые. В углу стояла опрокинутая бутылка для воды, абсолютно сухая. Я чертыхнулся и пошел дальше. В гостиной тоже ничего полезного. Диван, телевизор на стене, разбитая рамка с фотографией. Я поднял ее. Мужчина, женщина, две девочки, примерно семи и десяти лет. Все улыбаются, на заднем плане море. Крым, судя по скалам. Я аккуратно положил рамку обратно, лицом вверх. Не знаю, зачем я это сделал. Возможно, из уважения к мертвым. Или из надежды, что они живы и когда-нибудь вернуться за этой фотографией.

Оставалась последняя комната, дверь в которую была закрыта. Я приложил ухо к дереву — тишина. Ни шарканья, ни стонов. Я медленно повернул ручку, готовый в любой момент отскочить, и вошел. Это была детская. Двухъярусная кровать, письменный стол, шкаф с одеждой. И никого. Я выдохнул и начал осматриваться. Под кроватью стоял пластиковый контейнер с игрушками, который я отодвинул в сторону. За ним, в углу, была небольшая спортивная сумка. Я расстегнул молнию и чуть не закричал от радости. Внутри лежали три полторалитровых бутылки с водой и упаковка галет. Кто-то предусмотрительно собрал "тревожный чемоданчик" для ребенка, да так и не забрал его. Или не смог забрать. В любом случае, мне повезло. Я залпом выпил почти половину бутылки, чувствуя, как живительная влага разливается по телу, и почувствовал себя почти счастливым. В этот момент я заметил дверь. Узкую, оклеенную теми же обоями, что и стена. Если бы я не присматривался, ни за что бы не заметил. Встроенный шкаф или кладовка. Я подошел и дернул за ручку. Дверь не поддавалась. Заперто изнутри.

И тут я услышал звук. Тихий, едва различимый звук, от которого у меня волосы на затылке встали дыбом. Это был не стон мертвеца и не шарканье. Это было дыхание. Частое, поверхностное, испуганное дыхание живого существа. Человека. Я замер на месте, не зная, что делать. Сердце колотилось где-то в горле. Живой человек? Здесь? В запертой кладовке? Это могло быть ловушкой. Или это мог быть такой же выживший, как я, который спрятался и боится выходить. Но это мог быть и больной, укушенный, который вот-вот обратится. Я колебался ровно минуту, а потом тихо постучал костяшками пальцев по двери.

— Эй, — сказал я севшим голосом. — Я живой. Я не причиню вреда. Если ты там и ты живой, отзовись.

Тишина. Дыхание на секунду замерло, а потом возобновилось, еще более частое. Тот, кто сидел внутри, явно испугался еще больше. Я попробовал снова.

— Меня зовут Дима. Я ищу воду и припасы. Я без оружия, — соврал я, потому что монтировка была у меня за поясом. — Если ты меня слышишь, дай знак. Я могу помочь.

Прошло, наверное, секунд тридцать, прежде чем я услышал щелчок замка. Дверь медленно приоткрылась на пару сантиметров, и в щели показался глаз. Огромный, серый, обрамленный светлыми ресницами. Глаз смотрел на меня с ужасом и надеждой одновременно. Я сделал шаг назад, чтобы не пугать, и поднял руки, показывая, что я действительно не опасен.

— Выходи, — прошептал я. — Здесь никого нет. Только я.

Дверь открылась шире, и я увидел ее. Девочка. Та самая, с фотографии, старшая. Лет десяти, может, одиннадцати. Худючая, как скелет, в грязной пижаме с единорогами. Светлые волосы свалились в колтуны, на лице разводы от слез. Она смотрела на меня снизу вверх, и в ее глазах читалась такая смесь отчаяния и решимости, что у меня перехватило дыхание. Она держала в руке кухонный нож, маленький, для чистки овощей, но держала его вполне профессионально — лезвием вперед, не дрожа. Этот ребенок был готов защищаться до последнего.

— Ты не укушенный? — спросила она, и ее голос был сиплым от долгого молчания и обезвоживания.

— Нет. Я здоров. А ты?

— Тоже, — она опустила нож, но не убрала его. — Вы один? С вами никого?

— Один. Абсолютно.

Девочка еще несколько секунд изучала меня взглядом, а потом, видимо, приняв решение, открыла дверь полностью. Внутри кладовки я увидел подобие гнезда: одеяла, подушки, несколько упаковок с едой, бутылки с водой, фонарик. Она сидела здесь, судя по всему, довольно долго.

— Меня зовут Аня, — сказала она, выходя наружу. Двигалась она неуклюже, как будто затекли все мышцы. — Я слышала, как вы ходили по квартире, но думала, что это они.

— Ты одна здесь? Где твои родители? — спросил я, хотя ответ уже знал.

Аня опустила глаза, и на мгновение мне показалось, что она сейчас заплачет. Но нет, она сдержалась. Только сглотнула ком в горле и сказала:

— Папа ушел за помощью и не вернулся. Мама... Мама заболела. Она стала странной, а потом перестала меня узнавать. Она пыталась меня укусить. Я заперлась здесь. Я слышала,

как она ходила за дверью, царапалась и стонала. А потом все стихло. Я не знаю, сколько дней прошло. Наверное, много.

Меня пробрал озноб. Ребенок просидел в темной кладовке несколько недель, слушая, как ее собственная мать, превратившаяся в чудовище, пытается до нее добраться. Это было настолько чудовищно, что я не находил слов. Я просто стоял и смотрел на эту маленькую девочку, которая пережила кошмар, по сравнению с которым мои приключения были легкой прогулкой.

— Ты очень смелая, Аня, — сказал я наконец. — Очень.

Она ничего не ответила, только плечи чуть дрогнули. Я протянул ей бутылку с водой, которую нашел в сумке. Она взяла ее и начала пить медленно, маленькими глотками, явно наученная горьким опытом экономить. Я смотрел на нее и понимал, что мой мир только что перевернулся. До этого момента я был одиночкой, отвечающим только за свою жизнь. Я мог рисковать, мог прятаться, мог принимать решения, ни с кем не советуясь. Теперь у меня на руках оказался ребенок. Чужой ребенок, которого я не знаю, который не знает меня, но который по какой-то нелепой случайности выжил и доверился мне. И я не имел права его бросить. Просто не имел права. Я вспомнил Серегу, которого я бросил в супермаркете, и понял, что второй такой ошибки моя совесть не переживет.

Я потратил еще час на то, чтобы собрать все полезное, что осталось в квартире. Аня показала мне, где ее мама хранила аптечку, и мы взяли бинты, йод, обезболивающее. На кухне, под раковиной, я нашел еще две бутылки воды. В кладовке у Ани был небольшой запас еды, который мы тоже упаковали в рюкзак. Девочка двигалась медленно, но очень осмысленно, помогая мне искать и сортировать. Было видно, что она умна и наблюдательна. Когда я спросил, хочет ли она взять с собой что-то личное, игрушку или книгу, она на секунду задумалась, а потом достала из кладовки маленький блокнот и карандаш.

— Я тоже веду дневник, — сказала она, и в ее голосе впервые промелькнуло что-то похожее на гордость. — Записываю дни. Чтобы не забыть.

Мысль о том, что этот ребенок в темноте, наедине с ужасом, вел подсчет дням, поразила меня до глубины души. Я ничего не сказал, просто кивнул, и мы продолжили сборы.

Возвращение в мою квартиру было рискованной операцией. Я боялся, что Аня не сможет идти быстро и бесшумно, но она оказалась поразительно ловкой и тихой. Мы прошли через чердак, и я снова запер за нами люк. Когда мы наконец оказались в моей берлоге, за баррикадой из комода и холодильника, я почувствовал, как напряжение последних часов отпускает меня. Я запер дверь на все замки, проверил окна и только потом позволил себе сесть на пол и выдохнуть. Аня стояла посреди комнаты, оглядываясь по сторонам. Ее взгляд был цепким, оценивающим. Она не выглядела испуганной, скорее, сосредоточенной, как солдат, проверяющий периметр на наличие угроз.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Более-менее. Я живу здесь несколько недель, и пока никто не пытался войти.

— Хорошо, — она села на край дивана, положив свой нож рядом с собой. — Я буду вам помогать. Я умею готовить еду и знаю, как делать перевязки. Мама была медсестрой.

Я усмехнулся про себя. Этот ребенок, переживший ад, предлагает мне помощь. Наверное, мне стоило бы сказать что-то ободряющее, что-то взрослое и уверенное. Но я не нашел слов. Вместо этого я просто сказал:

— Договорились. Будем помогать друг другу.

Так началась наша совместная жизнь. Я, тридцатипятилетний неудачник-сисадмин, и десятилетняя девочка с кухонным ножом и стальной волей. Мы сидели в темной квартире, ели галеты и разговаривали шепотом. Аня рассказала мне свою историю. Она была в школе, когда началась тревога. Учительница велела всем прятаться под парты, но папа приехал за ней на машине и забрал домой. Они сидели вчетвером — мама, папа, Аня и ее младшая сестра Катя — и ждали помощи. Помощь не пришла. Папа пошел к сослуживцу, у которого было оружие, и не вернулся. Мама сначала просто плакала, а потом у нее поднялась температура. Она металась в жару, а потом начала говорить странные вещи. Аня спряталась в кладовке вместе с Катей, когда мама в первый раз попыталась их укусить. Но Катя заплакала, и мама нашла их. Аня успела задвинуть дверь перед самым носом у мамы, но Катя осталась снаружи. Она замолчала на секунду, рассказывая это, и я понял, что эту часть истории она заперла где-то глубоко внутри себя и не собирается продолжать. Я не стал расспрашивать. О Кате я больше никогда не спрашивал.

Сегодня мы прожили вместе первый день. Я показал Ане, как я занавешиваю окна, как проверяю глазок, какдвигаюсь по квартире, чтобы не создавать шума. Она слушала внимательно, не перебивая. Потом, когда наступила ночь, я зажег свечу и сел писать этот дневник. Аня уснула на диване, свернувшись калачиком. Ее лицо во сне разгладилось, и она стала похожа на обычного ребенка, который устал после долгого дня. Только нож лежал у нее под подушкой, и рука сжимала рукоять даже во сне. Я смотрел на нее и думал о том, что это, наверное, самое ценное, что я нашел за все время апокалипсиса. Не воду, не еду, а живого человека. Ребенка. Ответственность, которая будет тянуть меня вперед, когда мои собственные силы закончатся. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, сколько мы протянем в этом городе. Но теперь у меня есть причина жить. И это уже немало.

Глава третья: Побег

Я думал, что самое страшное — это одиночество. Я ошибался. Самое страшное — это когда ты слышишь, как ломается дверь, за которой прячется единственный близкий тебе человек, а ты находишься снаружи и не можешь ничего сделать.

Пять дней мы прожили относительно спокойно. Относительно — это значит, что мы не умирали от голода, нас не обнаружили мертвецы, и Аня начала понемногу оттаивать. Она все еще спала с ножом под подушкой и вздрагивала от каждого громкого звука, но в ее глазах появилось что-то, отдаленно напоминающее детство. Мы разговаривали по вечерам. Вернее, говорил в основном я, потому что мне нужно было заполнять тишину, а Аня слушала, изредка вставляя короткие, но удивительно точные замечания. Она рассказала, что ее папа был инженером и учил ее разбираться в схемах и чертежах. Мама, медсестра, показывала, как обрабатывать раны и накладывать швы на куске свиной кожи. Получалось, что этот десятилетний

ребенок был подготовлен к апокалипсису лучше, чем я, взрослый мужик с двумя высшими образованиями, ни одно из которых не пригодилось.

Но, как это всегда бывает в нашем новом мире, спокойствие оказалось иллюзией. Оно лопнуло на шестой день, когда я выглянул в окно и увидел, что проход в арке, ведущий со двора на улицу, заполнен мертвецами. Их было не просто много, их было катастрофически много. Они шли плотной толпой, плечом к плечу, как демонстрация на Первомай, только вместо флагов и транспарантов у них были разодранные лица и вывернутые конечности. Я насчитал около полусотни только в поле зрения, а за ними, судя по звуку, подтягивались еще. Этот звук — слаженное шарканье сотен ног по асфальту — я не забуду никогда. Он резонировал в бетонном колодце двора, усиливался эхом и создавал ощущение, что сам дом вибрирует от их присутствия.

Аня стояла рядом со мной, прижавшись носом к щели между шторами, и молчала. Я чувствовал, как она напряглась, словно сжатая пружина.

— Откуда они? — прошептала она. — Их раньше не было так много.

Я не знал ответа. Возможно, где-то рухнула стена или прорвало ограждение, которое сдерживало их в другом районе. А может, они просто мигрировали в поисках пищи, повинаясь какому-то неведомому нам инстинкту. Так или иначе, наш тихий двор-колодец перестал быть безопасным убежищем. Я понял это в ту же секунду, как увидел первых мертвецов, которые начали растекаться по двору, заглядывая в окна первых этажей, тыкаясь в двери подъездов. Их было слишком много, чтобы оставаться незамеченными. Рано или поздно кто-то из них наткнется на нашу дверь, начнет скрестись, привлечет остальных, и тогда баррикада из комода и холодильника нас не спасет.

Я отошел от окна и сел на пол, пытаюсь унять дрожь в коленях. Мысль о том, что нужно уходить, была очевидной, но от этого не менее ужасной. Уходить — значит оставить насиженное место, выйти наружу, где эти твари кишат на каждом шагу. Но оставаться — значит просто ждать смерти в капкане. Я достал карту, которую нашел пару дней назад в почтовом ящике, рекламный буклет с планом района, и начал лихорадочно соображать. Чердак. Чердак снова был нашим единственным шансом. Если мы сможем перебраться по крышам в соседний квартал, где домов меньше и где, возможно, еще нет такого скопления мертвецов, у нас появится шанс вырваться.

— Собирайся, — сказал я Ане. — Берем только самое необходимое. Воду, еду, аптечку. Теплую одежду. У нас есть пятнадцать минут.

Аня не стала задавать лишних вопросов. Она просто кивнула и начала методично укладывать свой рюкзак. Я смотрел на нее и поражался. Любой другой ребенок ее возраста устроил бы истерику, плакал, цеплялся за привычные стены. А эта девочка просто собирала вещи, как будто мы переезжали на другую квартиру, а не бежали от орды живых мертвецов. Я сложил свой рюкзак, проверил монтировку, дубинку с гвоздями, нож. Взял дневник. Как бы глупо это ни звучало, я не мог его оставить. Эти записи стали частью меня, и бросить их здесь, в пустой квартире, было бы равносильно тому, чтобы оставить часть своей души.

Мы вышли из квартиры и начали подниматься по лестнице к чердачному люку. Лестничная клетка была пуста, но я слышал звуки снизу. Где-то на первом этаже уже ломились

во входную дверь подъезда. Глухие удары разносились по бетонному стволу, и я понимал, что дверь долго не продержится. Мы почти бежали, стараясь ступать как можно тише. Я посадил Аню к люку, потом подтянулся сам. Чердак встретил нас все тем же запахом пыли и гниения. Я закрыл люк и задвинул засов, молясь, чтобы он выдержал, если мертвецы доберутся до верхнего этажа.

Мы двинулись по чердаку в сторону дальнего выхода, который вел на крышу. Я помнил, что там есть пожарная лестница, соединяющая разные секции здания. Путь был долгим и мучительным. В темноте мы постоянно натыкались на какие-то ящики, балки, куски арматуры. Аня один раз споткнулась и чуть не упала в проем между перекрытиями, но я успел схватить ее за капюшон. Она даже не вскрикнула, только сильнее сжала мое запястье. Наконец мы добрались до выхода на крышу. Я выбил заклинившую дверь плечом, и мы вывалились наружу, под серое, низкое небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.